

6. Можно в результате всего двояко формулировать диалектическую антитезику сложения и вычитания, с одной стороны, и умножения и деления — с другой. Можно, во-первых, признать, что в первой паре арифметических действий даны внешне-инобытийные (в идейном смысле) друг в отношении друга числа, и ищется такое число, в котором они сливаются в одно внутренне-единое содержание и идею нового числа. Тогда умножение и деление будут предполагать одно и единственное число, которое будет так или иначе внутренне меняться в зависимости от его внешнего воспроизведения. Значит, в этом толковании антитезы сложение и вычитание есть нечто внутреннее, идея, а умножение и деление есть нечто внешнее, инобытие и факт, воспроизведение идеи.

Но можно, во-вторых, сложение и вычитание понимать как нечто фактически внешнее, упирая на внешнюю взаимно-инобытийность слагаемых. Тогда умножение и деление окажутся чем-то внутренним, поскольку речь идет тут о росте одного и того же (по факту) числа или об убыли (делении) одного и того же числа. По существу это — одна и та же антитеза, выраженная различно — только с разных точек зрения. В первом случае дано внутри-идейное различие (слагаемые) и оно исчезает в общем тождестве, также идейном (сумма), и тогда умножение и деление есть уже переход от идеи к факту, к инобытию идеи, к фактическому воспроизведению идеи. Во втором случае даются сначала внешне различные субстанции, *факты* и сливаются они в нечто единое, тоже фактическое (сумма), но тогда умножение и деление необходимо интерпретировать как *идейное* наполнение и убыль одной и той же субстанции.

Различие этих толкований ничего особенного собою не представляет. Раз в диалектике две категории связаны диалектико-антиномически, то их всегда можно взаимно переставить. Если есть бытие и есть инобытие, то ровно ничего не изменится, если мы инобытие будем трактовать как бытие, а бытие — как инобытие.

§ 118. Возведение в степень, извлечение корня и логарифмирование.

1. Всякая вещь есть некий факт, и всякая вещь имеет некий смысл, или идею. Она есть осмысленный факт и осуществленная идея. Если отнять у вещи факт, она превратится в чистую идею и, следовательно, перестанет существовать; и если отнять у вещи ее идею, смысл, она перестанет быть самой собой и превратится в бессмысленный хаос неизвестно чего, т. е. тоже перестанет существовать. Конкретное бытие есть единство и тождество идеи и факта, сущности и явления, сознания и бытия. Эта элементарная диалектика должна быть применима и к числу, поскольку она применима решительно ко всякому виду и типу бытия. Предыдущие рассуждения показали нам, что в сложении и вычитании превалирует, скажем, идея и сущность, факт же и сущность, фактическая субстанция числа остается нетронутой, неподвижной; о ее судьбах ничего не слышно, и о ней не ставится никакого вопроса. В умножении и делении, наоборот, мы переходим в сферу явления, факта, субстанции, внешне-фактического инобытия, ибо как раз ставится вопрос о внешнем воспроизведении числа, о его инобытийной судьбе. Внешнее инобытие, или внешний материал, здесь появляется

впервые, и пока ему даны только чисто инобытийные же, чисто материальные функции, функции внешне оформлять, воспроизводить, давать материал для воспроизведения. Отсюда вытекает два фундаментальных вывода.

а) Прежде всего, умножение и деление есть та функция числа, которая обуславливает собою и делает возможным фактическую природу всякого *механизма*. Механизм есть такое воплощение идеи в материи, материале, когда главным и основным остается сама идея в своей отвлеченности, а материал продолжает быть таким же мертвым материалом, каким он был и раньше, и его преобразует здесь только чисто внешняя новая организация. Механизм можно поэтому сломать и починить и можно любую его часть изъять и вставить обратно. Это возможно только потому, что инобытие идеи, материал, в котором она осуществлена, *не вступает в механизме в полное отождествление с идеей*, не пронизывается идеей и смыслом настолько, чтобы быть столь же неповторимым и оригинальным, как и сама идея. В механизме отдельные материальные части лишь внешне объединены, объединены *схематически*, оставаясь внутренне вполне противоположными и даже несовместимыми. В умножении и делении данный представитель числового бытия *механически* воспроизводится; и потому множитель здесь и играет такую подсобную и чисто внешнюю, обозначительную роль. Правда, в умножении и делении мы уже переходим в бытие, в факт, в действительность, в сферу, где воспроизводится сама субстанция числа. Сложение и вычитание суть диалектический тезис, это — сама идея, о внешнем бытии и существовании которой еще не ставится никакого вопроса. Умножение и деление — диалектический антитезис, где на первый план выступает уже внешняя судьба числовой идеи, инобытие и фактическое осуществление числа, число как субстанция и действительность. Но вся эта инобытийная сфера дана здесь именно как *только* инобытийная, а так как чистое инобытие противоположно смыслу и само-то никакого смысла в себе не содержит, а живет только воспроизведением того смысла и идеи, в отражении которых она и есть инобытие, то в умножении и делении мы находим лишь *механическое, схематическое* действие инобытия, когда конкретно данным остается только сама первоначальная идея, т. е. в данном случае множимое (произведение) и делимое (частное), а инобытие лишь внешне и буквально повторяет эту первоначальную данность.

б) И далее сама собой напрашивается мысль о таком объединении идеи и материи, числа и его внешнего инобытия, где материя и инобытие перестало бы быть только чем-то внешне организованным и оформленным, где произошел бы полный синтез числа как идеи и числа как инобытия и где в результате этого синтеза появился бы не механизм, но *организм*. Во всяком механизме лежит в основе презрение к материи и уничижение ее. Механизм есть не возвеличение и увенчание материи, но ее преуменьшение и принижение, поскольку любая часть механизма в любую минуту может быть изъята из целого и заменена другой. Тут, значит, все дело не в материи, не в теле, а во внешней и отвлеченной схеме, которую можно осуществить на любом материале и из любого

куска данного рода тела. Не то в организме. Организм есть прежде всего уважение к телу и материи, внимательное и сублильное отношение к этому «внешнему» и «случайному». В организме нельзя заменять по произволу одни части другими; и это потому, что тут важна не только осуществившаяся в организме идея, но и тот телесный материал, на котором осуществилась эта идея, так что определенные части этого материального организма оказываются уже столь же неповторимыми, индивидуальными, ни на что другое не сводимыми и подлинно, субстанциально оригинальными, как и сама идея.

Вот почему если идея есть тезис, а механизм есть ее чисто инобытийное осуществление, антитезис, то организм есть синтез идеи с ее инобытием, тот синтез, где уже нельзя различать идею и факт, поскольку в организме не только идея дана чисто материально (так что она уже не просто отвлеченная схема, которую можно механически воспроизвести сколько угодно раз на любом материале), но и материя дана чисто идеально (так что она или по крайней мере некоторые ее моменты так же неповторимы и неразъединимы, как и сама идея). Следовательно, возвращаясь к числу, мы должны ожидать, что среди операций числа находятся не только те, где осуществляется чисто идейная («зрительная») энергия числа, и не только те, где осуществляется механическая энергия числа, т. е. где число порождает субстанцию механизма, но и такие операции, в которых энергия чисел приводит к появлению организма, где число дано как организм, где самый смысл числовой операции есть не что иное, как числовой эквивалент органической жизни. Такими операциями и являются *возведение в степень, извлечение корня и логарифмирование* (хотя логарифм есть трансцендентная функция и вычисляется методом интегрального исчисления). Тайна их заключается в том, что они на чисто числовом языке повествуют о жизни и судьбе органических экземпляров бытия, организмов как таковых.

2. Существенным моментом операций возведения в степень, извлечения корня и логарифмирования (поскольку о последнем можно говорить в арифметике) в отличие от умножения и деления является то, что тут нет механического повторения первоначально данного числа. Когда мы имеем, напр., $3^4=81$, то здесь процесс мысли идет вовсе не в том направлении, чтобы одну и ту же тройку повторять и воспроизводить столько раз, чтобы в результате получилось 81. Разумеется, поскольку математика есть вообще чисто формальная дисциплина в том смысле, что она оперирует только с числами (а числа по природе своей отвлеченны и применимы к любому содержанию бытия), постольку в ней не сразу можно определить ту не формальную, а чисто содержательную и конкретную операцию, отвлечением от которой получилась данная математическая операция. Часто бывает очень трудно найти то исходное опытно-конкретное содержание, которое переведено на абстрактный числовой язык. Также загадочны и операции возведения в степень, извлечения корня и логарифмирования; и одно из обычных утверждений математиков гласит, что возведение в степень есть лишь частный случай умножения, как само умножение есть частный случай сложения, когда даны равные по количеству сомножители или слагае-

мые. Это утверждение грешит логическим формализмом, и оно правильно лишь в чисто счетном смысле. Разумеется, возвести 3 в четвертую степень — это все равно что дать произведение четырех троек или сумму двадцати семи троек. Но это не значит, что по логическому и диалектическому смыслу указанные три действия есть не больше как умножение и деление или сложение и вычитание. Тут есть тонкий оттенок, который всегда будет тонким и subtilным потому, что везде мы имеем здесь дело с чисто числовым языком, который, исключивши из себя всякое смысловое содержание, кроме числового, конечно, сплошь и рядом превратился в настоящую загадку. В чем же отличие возведения в степень от умножения и извлечения корня от деления?

б) Что тут есть также некое *воспроизведение* первоначального числа в его субстанции, это очевидно. В этом полное сходство возведения в степень с умножением и извлечения корня — с делением. Там и здесь происходит *зарождение* числа во внешнем инобытии; там и здесь речь идет об алогическом *воспроизведении* числа на внешнем материале. Но в то время как в умножении множимое механически повторяется определенное число раз, в операции возведения в степень мы видим, что инобытие, охарактеризованное в умножении множителем, а в возведении в степень — показателем степени, *всасывает первоначальное число во все свои поры и отождествляется с ним во всех пунктах*. Оно не просто воспроизвело его 4 раза, как это было бы в умножении ($3 + 3 + 3 + 3$), но заставило каждую такую тройку еще раз перейти в себя, т. е. в инобытие, еще раз помножить 3 на 3 относительно каждой из четырех троек. Инобытие здесь проявило себя в каждом отдельном элементе, заставивши первоначальное число воспроизвести себя самого и как бы отразиться в самом себе, в каждом из своих моментов. Возведение в степень есть та энергия числа, которая *заставляет любую вещь алогически воспроизвести себя не просто вовне, но в каждом из своих основных элементов, и притом воспроизвести целиком и без остатка*.

В умножении субстанция множимого не раскрывается, не развертывается, не расцветает; она тут только воспроизводится при помощи механического повторения. Возведение в степень проникает в глубь первоначального числа, в каждый отдельный его атом, и в этом атоме воспроизводит первоначальное число целиком. $3^4 = 81$ — это суждение значит: первоначальная тройка берется четыре раза, но берется не просто как таковая, но предварительно каждая из этих четырех троек воспроизводит себя самое. Возведение в степень есть сила, заставляющая число воспроизводить себя самого, и притом определенное число раз. В умножении множитель может сколько угодно отличаться от множимого, он — только знак его внешнего повторения. При возведении же в степень «множитель» мыслится всегда *одним и тем же*, а именно он и есть тут само множимое. Не то что какое-то внешнее инобытие тянет изначально данное число к повторению и воспроизведению, но *само же число*, само это первоначальное число *порождает и воспроизводит себя самого*. Тут не внешнее воспроизведение на прежнем материале, но внутреннее самовоспроизведение и притом на своем же собственном материале.

с) В этом и заключается сущность организма в отличие от механизма. Организм растет сам из себя, своими силами, и внешнее инобытие нужно ему только как материал, перерабатываемый им до полного с ним отождествления. В организме — синтез и отождествление внутреннего и внешнего; и на операциях возведения в степень, извлечения корня и логарифмирования это становится вполне понятным. Когда число возводится в степень, оно, во-первых, воспроизводится; стало быть, тут играет роль какое-то внешнее инобытие. Но, во-вторых, оказывается, что воспроизводится оно по своему собственному закону, т. е. по закону, лежащему внутри него самого, так как если брать прежний пример, то здесь каждая тройка множится сама на себя, т. е. воспроизводит *сама себя*. Следовательно, внешнее инобытие, констатированное нами в целях воспроизведения, оказалось водвинутым внутрь самой тройки; и это не просто внутреннее инобытие, которое может породить только операцию сложения и вычитания. Это — именно сразу *и внутреннее и внешнее инобытие* числа, та их встреча, где они отождествились и слились в одно нераздельное целое. Инобытие указало здесь не количество механических воспроизведений числа, но тот предел, до которого органически растет первоначально заданное число.

3. а) Возведение в степень на числовом языке выражает рост организма не в том переносном смысле, как можно говорить о росте числа в процессе умножения, но в том буквальном смысле, который присущ только живому и алогически саморазвивающемуся организму. *Организм в процессе своего роста как бы возводит себя в ту или иную степень*. Организм характерен именно тем, что в каждом своем отдельном моменте он повторяет себя самого, т. е. он всегда целиком в алогическом инобытии, а рост организма заключается в том, что это повторение идет непрерывно вперед, так что сначала весь организм воплощается в каждом своем моменте, потом организм, заключенный в каждом отдельном своем моменте, воплощается в более мелких моментах, т. е. в моментах этого момента, и т. д. и т. д. Идет все растущая вперед детализация организма, и в каждой более мелкой детали воплощается более крупная деталь организма; и, таким образом, весь организм многократно повторяется сам в себе, вбирая в себя внешнее инобытие и постоянно и неизменно подчиняя его себе, отождествляя его с собою и употребляя на построение все более и более мелкие детали, которые в свою очередь расширяются дальше, повторяя на себе организм в целом. С другой стороны, и само алогическое инобытие не остается здесь чем-то внешним и чуждым, но становится органическим телом растущего целого. Это и есть рост организма, и элементарное математическое выражение его есть *возведение в степень*.

б) Надо всегда помнить при анализе математических положений, что математика раз навсегда исключает всякую вещественную качественность и превращает бытие в чисто формальное количество, когда уже не важно, о количестве чего именно, о количестве *каких* именно вещей идет речь. Тут важно само количество, количество как таковое. Однако, отделивши число от вещественной качественности, математика фиксирует качественные моменты в самом числе; и это, конечно, не

вещественно-качественные, но чисто числовые качественные моменты. Эта математическая, или числовая, качественность возникает сама собой, как только мы задаемся вопросом структуры тех или других математических операций или формул.

И вот, если мы возьмем организм, возьмем организм в процессе его роста и заметим себе четко, что организм в отличие от механизма существенно зависит от своего тела (ввиду полного отождествления его материи, материала, с его внутренней идеей, или смыслом) и тело это тем самым повторяет идею целью в каждом отдельном моменте, то что получается из всей этой конструкции, если мы исключим все содержательные моменты и оставим только моменты числовые, количественные и метод опять-таки не содержательный, но чисто формальный — метод последования этих числовых моментов? Мы забудем, что здесь идет речь об организме, а будем знать, что числа, здесь употребленные, касаются решительно всего и ничего в особенности. Мы забудем, что тут происходит именно рост организма. Наконец, мы забудем даже, что вообще есть на свете такое бытие, как органическое, и что [последнее] чем-нибудь отличается от бытия механического и всякого иного. Однако, становясь на чисто формальную точку зрения, мы не можем забыть здесь следующих трех вещей.

Во-первых, рост организма есть некоторое *увеличение*. Это во всяком случае момент не-качественный, не-содержательный, чисто формальный, и мы его обязаны оставить на месте.

Во-вторых, как происходит это увеличение и в *каком направлении* оно движется? Конечно, по принятому условию мы уже не можем сказать, что тут происходит выявление организма в деталях, его развертывание и живая жизнь. Мы оставляем из этой картины только тот чисто формальный момент, что каждая точка органического роста *повторяет организм в целом*, неразрывна с ним и неотъединима от него. Математически это значит только то, что, скажем, тройка повторяется в каждой своей единице полностью и целиком, так что получается не просто три единицы, как раньше, но *три тройки*. Это и значит, что тройка воспроизвела себя в каждом своем отдельном моменте. Тут забыта идея организма, но зато это не биология, а математика, и на своем — математическом — языке математика вполне точно выразила идею роста организма. Тут произошел перевод с языка биологического на язык математический.

Наконец, в-третьих, мы не можем забыть, оставаясь на формально-математической позиции, и *того конечного момента*, до которого происходит или отмечается рост организма. Раз дано увеличение, то естественно спросить, до каких размеров доходит это увеличение. Это — тоже математика. И вот, понимая эту мысль чисто математически, мы опять должны наше суждение о пределе роста организма трактовать как суждение о том, *сколько раз* организм повторил себя самого в себе самом, *сколько раз* эта тройка отразилась сама в себе. Об этом и трактует т. н. показатель степени. Если есть тройка и мы заставили ее еще раз повториться, и повториться в каждом ее отдельном моменте, мы получаем показатель 2. Эта двойка указывает на то, что первоначальная

тройка есть, во-первых, нечто само по себе, а во-вторых, она повторила себя в себе же. Показатель 3 указывает, что кроме основной тройки мы имеем первое повторение тройки в самой себе и еще второе повторение. И т. д. Без этого суждения о размерах роста, конечно, не было бы точного представления о нем самом и, след., о самом организме.

Так происходит перевод идеи органического роста на язык чисел. В числовом отношении это есть только возведение в степень.

с) Какое отличие возведения в степень от *извлечения корня*? Возведение в степень есть символ органического роста; извлечение же корня, очевидно, низводит нас от законченной формы развития к форме первоначальной. Тут происходит действительно некое *извлечение корня* в буквальном смысле слова; и мы, имея какой-нибудь растущий в земле цветок, как бы хотим узнать, из какого своего основания вырастет этот цветок, и вынимаем из земли его корешок, чтобы убедиться воочию в существовании этого основания и узнать его свойства. Какая категория действует в извлечении корня по сравнению с возведением в степень?

И там и здесь идет речь об органической жизни, и только в одном случае мы движемся от корня к стволу и завершительным формам, в другом же — от этих последних к корню. Движение органического роста одинаково характерно для обоих действий. Но как охарактеризовать не описательно, а чисто логически, и притом точно, разницу этих двух типов движения органического развития? Когда тройка возводится, скажем, в четвертую степень, то, как мы уже знаем, это приводит к тому, что тройка четыре раза повторит себя саму в своих отдельных единицах. Почти то же самое происходит и при извлечении корня. Но совершенно ясно, что для получения именно степени, а не корня необходимо *сосчитать, суммировать* все получившиеся от этой операции тройки, т. е. *отождествить* всех их в одно нераздельное и совершенно единое, даже единичное целое. Для получения же корня, в случае, скажем, извлечения корня четвертой степени из 81, надо, наоборот, в этом общем процессе органического развития отделить от всего целого то основное, что именно было взято для целей развития, *отличить его от всего целого*. Возводя в степень, мы отождествляем все тройки в одно целое, как бы вытягиваем их в одну однообразную линию 81 точки, в то время как при извлечении корня мы отвлекаемся от целого и стремимся, наоборот, к выделению из 81 основной тройки и к фиксации ее именно в *отличие* от 81. Итак, разница между возведением в степень и извлечением корня заключается в том, что в первом случае мы стремимся к органическому целому, явившемуся в результате развития и отождествления всех отдельных моментов этого развития в одном целом, в другом же случае мы стремимся от органического целого, явившегося в результате развития, к отличению отдельных моментов, из которых состоит это развитие, и прежде всего к фиксации и точному отличению того единственного и первоначального основания, из которого шло изучаемое развитие.

Ясно также и то, что *логарифмирование*, поскольку это есть операция нахождения степени, имеет целью фиксировать в общем процессе органического развития не начало этого развития (как извлечение кор-

ня) и не конец этого развития (как при возведении в степень), но то, что *происходит между началом и концом*. Что же именно тут происходит? Происходит самый рост, процесс роста. Но его необходимо формулировать математически, т. е. перевести на формальный язык чисел. Но что такое органический рост, если его понимать чисто количественно, а не содержательно? Рост есть непрерывное самовоспроизведение. То, что это есть именно *самовоспроизведение*, это уже зафиксировано в предыдущих моментах нашего анализа роста, равно как и то, что это есть именно *самовоспроизведение*. Но что же тогда остается в росте? Остается только *метод* этого самовоспроизведения, закон самовоспроизведения. Ни «самость» и ни «воспроизводимость» не характерны для логарифмирования; вернее, эти категории характерны для него в той же мере, как и для возведения в степень, и для извлечения корня. Для логарифмирования характерен именно закон развития, не органическое развитие как таковое, но его методический принцип. Этот принцип показывает, что именно должно случиться с организмом и до каких пределов мыслится его развитие. Но по основной и неизбежной формальности числового языка математика и этот закон может выразить только количественно, т. е. она может только указать, *сколько раз произойдет самовоспроизведение* первоначального организма. Это и будет т. н. показатель степени, а самая операция нахождения степени основания по данному основанию и данному конечному количеству развитого основания и будет логарифмированием. Следовательно, если в основе возведения в степень лежит категория *отождествления* отдельных элементов в целое, а в основе извлечения корня — *различение* отдельных элементов на фоне целостного результата органического роста, то в основе логарифмирования лежит изучение *движения* этого развития и не столько самого движения, сколько устойчивого закона этого движения, т. е. движения, данного в аспекте твердой и покоящейся формы этого движения, — иными словами, в аспекте *подвижного покоя* органического развития.

d) Не забудем, однако, что природа числа противостоит природе вещи как чисто *смысловая* конструкция, что действие чисел, изучаемое здесь, есть действие чисто *смысловое*, смысловая энергия числа, что имеется здесь в виду *смысловая* картина органического развития, а не вещественный его коррелят, не механическая копия. И, давая определенные рассмотренным действиям, тут в особенности не забудем ввести это обстоятельство в формулу.

4. а) Применим в целях большей компактности изложения вышеформулированные (§ 115, п. 4) категориальный и структурный принципы рассматриваемых действий.

Мы знаем из общей теории числа (§ 27) о пяти основных внутриаидетических категориях числа (бытие, самотождественное различие и подвижной покой). Последние две мы уже исчерпали для конструирования первых четырех арифметических действий. Остается «бытие». Это бытие, как мы знаем из той же общей теории числа, есть то, *чем* число является, «что» числа, его смысл, его индивидуально-смысловое содержание, его, если угодно, эйдос. Оно противостоит инобы-

тию, и, когда оно в этом последнем воплощается, оно становится *субстанцией*. В сложении числа брались только в своем *смысловом* (внешне-иностранном) содержании. В умножении числа берутся так, что одно воспроизводится на другом по своему *факту*, берется инстинктивно по своему факту (откуда и внутреннее объединение с этим иностраньем). В возведении в степень, наконец, одно число воспроизводится в другом *и по своему факту, и по своему смыслу* — короче говоря, по своей *субстанции* (так что возникает синтетическое внутренне-внешнее воспроизведение). Поэтому мы и формулировали в § 115 п. 4 категориальный принцип рассматриваемых действий как взаимоотношение становлений, переходящих друг в друга в порядке субстанциального самоотождествления.

Бытие этого субстанциального самоотождествления есть соответствующий рост числа согласно показателю его степени. *Иностранье* приносит с собою новое число (самую степень), в котором мы, согласно *становлению*, сосчитываем полученные единицы, а согласно со *ставшим* получаем самую степень. Выразительно-эманативная энергия соответствующих действий фиксируется в знаках показателя, радикала ($\sqrt{\quad}$) и логарифма (\log).

б) Но прежде чем дать формулы и применить то, что в предыдущем пункте этого параграфа мы сказали отдельно о трех изучаемых действиях, мы должны учесть то, что «бытие», о котором мы здесь говорим как о последней из пяти внутри-эйдетических категорий, может быть рассматриваемо и само по себе, и в совокупности как с самотождественным различием, так и с подвижным покоем. Это и дает возможность ясно представить себе диалектическое содержание трех рассматриваемых действий.

Возведение в степень есть смысловая энергия разных становлений, переходящих одно в другое в порядке субстанциального отождествления.

Извлечение корня есть смысловая энергия разных становлений, переходящих одно в другое в порядке субстанциального различия.

Логарифмирование (поскольку о нем может идти речь в арифметике) есть смысловая энергия разных становлений, переходящих одно в другое в порядке самотождественного различия и образующих в результате подвижной покой.

Можно говорить и иначе.

Возведение в степень есть смысловая энергия числа, функционирующего в аспекте *отождествления* его внутренне-внешних иностраньяных воспроизведений.

Извлечение корня есть смысловая энергия числа, функционирующего в аспекте *различия* его внутренне-внешних иностраньяных воспроизведений.

Логарифмирование есть смысловая энергия числа, функционирующего в аспекте *подвижного покоя* его внутренне-внешних иностраньяных воспроизведений.

5. Заметим, что категория подвижного покоя, выступающая в логарифмировании, вполне налична, собственно говоря, также и в отношении первых двух пар арифметических операций. Однако невозможно

придумать новой операции подвижного покоя в отношении сложения и вычитания, потому что здесь эта операция вполне совпадает технически с основными действиями. Если бы мы захотели получить не только отождествление отдельных чисел в одной их сумме и не только различие какого-нибудь числа на фоне общей суммы чисел, но еще и найти закон движения этого отождествления и различия, то мы должны были бы просто сказать, что в качестве такого закона действует само же сложение или вычитание. Технически эти операции вполне совпадают, хотя логически они вполне различны. Найти закон составления суммы или разности — значит точно зафиксировать количество и характер слагаемых или уменьшаемого и вычитаемого. Это же относится и ко второй паре — умножению и делению. И только в отношении к третьей паре арифметических операций оказывается целесообразным выделить нахождение закона движения в особую операцию, и только тут для особой логической категории (подвижной покой) возникает и особый технический коррелят (логарифмирование)^{15*}.

§ 119. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

1. Диалектика простейших арифметических действий — очень тонкая вещь. Тут нагромождена масса логических категорий, которые с трудом поддаются анализу. Повторим еще раз вышеприведенную схематику, чтобы не оставалось никакой неясности.

а) Нужно прежде всего твердо держать в памяти то, что было сказано в § 115, п. 4 о перво-принципе арифметических действий, о категориальном принципе и о структурном принципе. Из них проще первый и третий. Первый появляется как синтез категорий натурального ряда и типологии. Третий воспроизводит лишь схематику общей теории числа. Более запутанный второй принцип, категориальный.

б) Тут сложная игра категорий. Пять обыкновенных внутри-эйдети-ческих категорий пляшут тут далеко не сразу понятный балет. Чтобы не сбиваться с четкого диалектического пути, скажем прежде всего, что все эти пять категорий, конструирующие вообще всякий эйдос, *обязательно участвуют решительно в каждом арифметическом действии*. И следовательно, вопрос может ставиться только о том, *как* они тут участвуют, в каком порядке и в каком взаимоподчинении. Если говорить об основной, о главной, о центральной и превалирующей роли, то необходимо сказать, что первая пара стоит под самотождественным различием, вторая — под подвижным покоем и третья — под бытием (или «субстанцией»). Это видно из того, что в первой паре мы имеем дело с равноправными элементами, которые так и остаются в своем равноправии, входя без всякого изменения в сумму (или разность). Тут, стало быть, можно только их различать и потом отождествлять в одну непрерывную линию становления. Во второй паре множимое, несомненно, движется, раз оно воспроизводится; и в третьей паре, несомненно, речь идет о воспроизведении, но уже о всецелом, о воспроизведении в каждом отдельном моменте воспроизводимого, т. е. о субстанциальном росте.

Итак, превалируют и, так сказать, «задают тон» самой категории каждого действия именно эти категории. Однако тут же участвуют и все прочие категории, но уже подчиненно. В § 117, п. 5 мы указали, что